

ГРАНИЦА ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА:  
исторический аспект исследования**В.П. Буданова**

**Аннотация.** В статье на основе греко-римской и раннесредневековой нарративной традиции в качестве предмета анализа рассматривается взаимосвязь цивилизации и варварства в ситуации пограничья. Варварство представлено как стихийно функционирующий социальный и культурно-исторический феномен. Пограничье интерпретируется как место рождения и одновременно преодоления варварства, место выхода из варварского состояния, либо начала деструктивных действий варвара. Впервые ставится вопрос о линии размежевания цивилизации и варварства в физическом и ментальном пространстве. В этой связи применительно к варварству рассматривается феномен границы. Это и реальное физическое размежевание, и нарушение пределов допустимой нормы, и утверждение в образе варвара мифической символики, сокровенного смысла злонамеренных свойств человеческой природы в воображаемом пространстве. Научную новизну представляет впервые сформулированное положение о неоднозначной взаимосвязи цивилизации и варварства, места и роли в ней пограничья. Отмечено, что для варвара на границе цивилизации и варварства состояние «Между» подвижно, парадоксально-противоречиво, менялось в реальном и воображаемом пространстве. Обращено внимание на то, что действие разных форм проявления варварства в зоне границы адаптивно и осмотрительно. На этапе поздней Античности и раннего Средневековья процесс оцивилизации, изживания варварства опирался на потенциал и тенденции развития конкретных социальных образований. Варварство утверждалось с нарушением границ и переходом к бес-пределу.

**Ключевые слова:** Античность, Средневековье, цивилизация, варварство, варвары, граница, пограничье, реальное и воображаемое пространство, Римская империя, Барбарикум.

257



BORDERLINE OF CIVILIZATION AND BARBARISM:  
A Historical Aspect of Research

**V.P. Budanova**

**Abstract.** *The article deals with the interrelation of civilization and barbarism in the situation of frontier on the basis of Greco-Roman and early medieval narrative tradition as a subject of analysis. Barbarism is presented as a spontaneously functioning social and cultural-historical phenomenon. The frontier is interpreted as a place of birth and simultaneously of overcoming barbarism, a place of exit from the barbaric state, or the beginning of destructive actions of the barbarian. For the first time, the question of the line of demarcation between civilization and barbarism in the physical and mental space is raised. In this regard, the phenomenon of the border is considered in relation to barbarism. This is the real physical demarcation, the violation of the limits of the acceptable norm, and the affirmation of mythical symbolism in the image of the barbarian, the hidden meaning of the malevolent properties of human nature in the imaginary space. Scientific novelty is represented by the first formulated position on the ambiguous relationship between civilization and barbarism, the place and role of the borderland in it. It is noted that for the barbarian on the borderline of civilization and barbarism state “Between” is mobile, paradoxical-contradictory, changed in real and imaginary space. Attention is drawn to the fact that the action of different forms of manifestation of barbarism in the border zone is adaptive and circumspect. At the stage of late Antiquity and the early Middle Ages, the process of civilization, the elimination of barbarism, was based on the potential and tendencies of the development of particular social formations. Barbarism was asserted with the violation of borders and the transition to a borderless frontier.*

**Keywords:** *Antiquity, Middle Ages, civilization, barbarity, barbarians, border, borderland, real and imaginary space, Roman Empire, Barbaricum.*

Известно, что человека от животного отличает цивилизованность, и что степень варварства обратно пропорциональна цивилизованности. Парадокс состоит в том, что варварство начинается там и тогда, где и когда появляется *homo sapiens*. Варваром не рождаются, а становятся. Мемы варварства — это не смешение генов отца и матери, а часть сознательного процесса, направляемого человеком по

средством примера и подражания. В рамках разных цивилизаций варварская, злобная, агрессивная природа человека проявлялась по-разному. Дикость, бескультурие, невежество, жестокость и бесчеловечность утвердились на этапе перехода от первобытного к классовому обществу, в условиях становления частной собственности, социального неравенства, эксплуатации человека человеком и вла-

сти одних людей над другими. В эпоху Великого переселения (II–VII вв.) варвары, уже как *pene consimiles*, «почти похожие» на представителей цивилизованной части Ойкумены, показали истинное «предназначение» варварства, извлекающего выгоду из военного превосходства над другими [1]. Меняя свою природу и морфологию, варварство постепенно раскрывалось как стихийно функционирующий социальный и культурно-исторический феномен, как показатель кризиса переходной эпохи. Ставя человека на грань цивилизованности, варвары выплескивали наружу оттесненные римским миром архаические импульсы. Переживая провалы и преодолевая пограничные ситуации, человек в разных обстоятельствах переходил от одного состояния к другому. И хотя пограничность, как правило, маркирует и обрамляет как цивилизованность, так и варварство, *предел* цивилизованности и *начало* варварства не всегда фронтальны [2; 3]. Где этот предел и почему он не всегда однозначен? Находясь в пограничной ситуации, по мнению К. Ясперса, человек может оказаться на грани, в нашем контексте в состоянии *Между*, между цивилизацией и варварством [4].

Структуру варварства, как модель поведения, можно исследовать лишь в том случае, если определены его границы. Поэтому уместно поставить вопрос о граничной определенности, линии размежевания, демаркации цивилизации и варварства в пространстве и сознании человека в разные исторические эпохи. На первый взгляд, с исторической точки зрения это не представляет особой сложности, поскольку границы варварства достаточно очевидны [5]. Но исследо-

ватель проводит ее, руководствуясь субъективными предпочтениями и полагаясь на собственное представление о том, где варварство начинается и где оно заканчивается. В связи с этим небесполезно уточнить применительно к варварству смысл понятия «граница». Речь идет о теме, которая вот уже долгое время порождает историческую дискуссию, не допускающую слишком простых обобщений, к которым мы так приучены прошлым. Исторический опыт варваризации греко-римской цивилизации на рубеже Античности и Средневековья дает, на мой взгляд, основания выделить три значения границы цивилизации и варварства — это *черта*, *предел* и *ореол горизонта*.

#### Парадокс лимеса как пространственного размежевания

Первый смысл понятия — это граница в реальном пространстве — *лимес* (лат. *limes*) как физический феномен и четко очерченная территория, изначально пограничная дорога. Уже в I веке н.э. римляне называли лимесом систему коммуникаций и пограничных укреплений Римской империи, своего рода военную дорогу, укрепленную сторожевыми башнями и крепостями. В систему лимеса входила пограничная полоса, которая включала военные лагеря в виде крепостей, укрепленных поселений (кастеллей), сигнальных постов (бургов) на расстоянии нескольких километров друг от друга. Они соединялись ровом, укрепленным земляным валом, каменной стеной или деревянным частоколом (палисадом), вдоль которого проходила мощная рокадная дорога для быстрой переброски войск. Как природный (реки, болота, горы)

или рукотворный (крепостные стены, башни) барьер лимес подчеркивал различия и разделял пространство. В этом смысле «граница» — это некая *межа* или черта. Семантика глагола *limito* раскрывает функциональное предназначение лимеса — *раз-межевывать* и *о-граничивать* для того, чтобы отделять Одних от Других, определяя, например, отличия цивилизационного бытия римлян от варварского племенного мироустройства [6, с. 165–174; 7]. В греко-римской письменной традиции «граница» как *limes* — одно из самых распространенных понятий. Изучение этого феномена имеет многовековую традицию и представлено в исторических исследованиях достаточно фундаментально, особенно в контексте военных конфликтов с варварским миром [8, с. 866–870].

По обе стороны лимеса складывалась особая форма жизни, уникальная как для цивилизации, так и для варварского мира. В реальном пограничном пространстве осуществлялась активная коммуникация, шли процессы соприкосновения, взаимодействия, взаимопроникновения, перехода и преодоления. Лимес, как межа и черта, очерчивал, разделял и соединял, образуя *пограничье*, как пространство человеческих действий. В пограничье выстраивалась особая форма сосуществования и жизнедеятельности, где одни барьеры разрушались, а другие устанавливались.

Обратим внимание и на то, что пограничье можно считать местом рождения и одновременно преодоления варварства, местом возможности перехода Чужого в Свое и Своего в Чужое. Конфиниум, пограничье — это противоречивое образование, где соединя-

лось несоединимое, где, по меткому замечанию М. Фуко, разум и неразумие бесконечно меняются местами, вступая в опасную, обратимую связь. Пребывание здесь меняло образ жизни варваров и соседних с ними римлян, часто заканчиваясь началом цивилизовывания и выходом из варварского состояния, либо началом деструктивной трансформации или даже исчезновения цивилизованного жизнеустройства римского мира.

Пограничье представляло собой также и зону скрытых, нереализованных возможностей и для варварских племен, и для римлян. Одних жизнь рядом с лимесом-межой побуждала к борьбе с варварами и уничтожению каких-либо проявлений варварства, а других — ментально подталкивала к движению в цивилизационное пространство Рима. Дион Кассий отмечал, что «...варвары перестраивались на их (то есть римлян — *В.Б.*) образец...», что варвары «...приучаясь мало-помалу при надзоре со стороны римлян к их нравам, ... не тяготились переменю своего быта и незаметно изменялись», что отдельные племена «...присматривались к римским обычаям...» [9, LVI. 18–23; LXXI. 11–12, 3].

Античная традиция подтверждает, что именно в пограничье варвары чаще всего совершали свой выбор цивилизационной принадлежности, определяя под влиянием каких именно реалий и обстоятельств можно принимать новую систему ценностей и какие традиции стоит сохранять и отстаивать. Яркий пример тому история христианизации готов, а также перипетии, постигшие готского епископа Ульфилу, и не менее трагическая судьба короля готов Атанариха [10].

Общеизвестно, что в историческом пространстве граница всегда была одним из самых чувствительных компонентов и индикаторов международных отношений. Так, например, античная письменная традиция постоянно фиксировала возникающие на лimese проблемы с варварским племенным миром. Контраст между двумя мирами ясно проявлялся по обе стороны лimesa. И именно этот контраст, как отмечают исследователи, придавал столкновениям между империей и народами, жившим по другую сторону лimesa, драматическую окраску, поразительную уже для историков того времени. Чем активнее цивилизация отгораживалась от варваров, тем меньше шансов оставалось у последних избежать военного столкновения с ней. Установление границы — одна из первых психологических потерь долгосрочного исторического парадокса победы цивилизации над варварством.

### Варварство за пределом допустимой нормы

В пограничье не все варвары были варварами, но для римских историографов подобные нюансы не играли особой роли, когда речь шла о нарушении границ римского государства. Ибо сам по себе переход границы имел не только политическое значение, как факт вторжения в римскую державу, но составлял и особый метафизический смысл, как выход за пределы дозволенного и вызов римскому миру. В этом втором социокультурном значении понятие «граница», как *предела* (лат. *finis*), *края* (греч. *ὄρος*), *рубежа* или *допустимой нормы* также представлено в античной и раннесредневековой письменной тра-

диции. Именно так это понятие использовалось в текстовой ткани сочинений Тацита, Диона Кассия, писателей «Истории Августов», Аммиана Марцеллина. Система историописания Эннодия, Кассиодора, Иордана, Гильды Премудрого, Григория Турского, Исидора Севильского, Фредегара, Беды Достопочтенного, Павла Диакона создавала в варварских королевствах свою формулу варвара, проводя свою линию демаркации цивилизации и варварства, которая фиксировала пределы нарушений допустимых норм [11; 12]. Нарративы о «происхождении народов» отразили ментальное пространство обостренного отношения между Своим и Чужим (Безбожным). В изложении конкретно-исторических событий, связанных с фактами перехода, переправы через Рейн, Альбис, Истр или какую иную реку-рубеж, в повествовании о вторжениях в пределы римских провинций или в пределы владений варварских королей формировался фокус восприятия границы, как преодоления рубежа [13, p. 28, 90, 91]. На этапе раннего Средневековья, когда «времена были варварские» (*tempora fuero barbarica*) [14, VI, 35], представление о *Между* как *finis* выражено иносказательно в разных контекстах в смысле конца, законченности, завершенности и о-пределенности. Ментальный образ раннего западноевропейского Средневековья предстает как «*зловещее распутье варваров*» [15, p. 10], живущих по формуле *ra-  
tria vel gens*.

Граница как предел и край обладает рубежностью, с которой связан переход в состояние варварства. Это маркирующий антропологический провал, предельное, крайнее движение

от Своего к Чужому и Чуждому. Как показывает античная письменная традиция, человек в этом пограничном, рубежном, предельном состоянии чрезмерно подвижен и активно социально маргинален. Учитывая исторический опыт классических варваров, важно иметь в виду, что процесс исхода и трансформации в сторону варварства сопровождался, как правило, состоянием пограничья, эмерджентности, нестабильности, неопределенности и хаоса. Письменная традиция темпорально многослойного раннесредневекового мира отражала самое начало рубежного состояния бывшего консимилированного варвара уже в ином социокультурном пространстве оппозиции «хорошего — плохого» или «своего — чуждого». В раннесредневековом нарративе понятие «варвар» встречается крайне редко<sup>1</sup>, но характеристика варварства меняется и сосредоточена не только на лингвистических различиях<sup>2</sup>, истоках географической локализации [16, III, 15; 14, I, 1] или этнической принадлежности «нечестивого имени» (*ferocissimi nefandi nominis Saxones*) [15, p. 23]. Варварство ассоциируется уже не только с отсутствием пайдеи, неспособностью к разумному рассуждению, с бедностью, примитивным образом жизни, с хаосом, воинственной дикостью и эгоистическим своеволием [17, III, 4, 5; 14, I, 1; V, 38]. В варварском дискурсе раннесредневековых текстов отражен оценочный набор иного уклада жизни, иной системы ценностей в поисках истины и заблуждений, иного выбора

между спасением и грехом, между добром и злом, прекрасным и безобразным, иной мотивации и установок в определении друзей-союзников (*amicus, socius*) и врагов-язычников (*hostis, inimicus, paganus*).

### На границе воображаемого пространства варваров

Особое значение и смысл понятие «граница» обретает в *воображаемом пространстве*, когда вступление и выход из состояния варварства, либо расширение процесса варваризации сопровождалось образом границы, как метафоры, ореола и символа. В этом значении граница цивилизации и варварства мало изучена. Когда варварство отделилось от варваров и окончательно перешло из состояния в свойство, как самодостаточный феномен оно стало нуждаться в обосновании своих действий. И в этом воображаемом пространстве оправданий создавалась своя символика и мифология горизонта, к которому устремлен пафос варваризации. История происхождения и обращения (*conversio*) готов, франков, вандалов, англосаксов, лангобардов и других германских народов соединяет несовместимое, противоположное — языческие племенные предания, античную историю и мифологию, а также библейскую, прежде всего, ветхозаветную историю. Создавалась парадоксальная картина реально невозможной событийной истории, где образ варвара приобретал особый сокровенный смысл злонамеренного свойства человеческой природы с присущим эмоциональным со-

<sup>1</sup> [15, p. 10, 18, 20, 23; 13, p. 40, 69, 85, 160, 172, 176, 179, 310; 16, II, 9, 32; III, 15; IV, 48; VII, 29, 31; 18, p. 14, 22, 68, 73; 17, I, 2, 11, 12, 13, 23; II, 2, 15, 20; III, 2, 4, 7, 24; IV, 2; V, 9, 10, 19; 14, I, 1, 5, 20; IV, 37; V, 38; VI, 15, 35, 48].

<sup>2</sup> [15, p. 10: ...ut lingua eius exprimitur; 13, p. 84: ...patria lingua petit; 17, I, 23: ...cuius ne linguam nossent; III, 7: ...barbarae loquellae; 14, I, 5].

стоянием и непредсказуемым поведением «диких варварских зверей» (*barbaricae ferae bestiae*) [15, p. 18]. Содержание нарратива наполнено примерами варварства, представление о котором бытовало в V–VIII вв., когда победы и поражения стали сопровождаться верой в Бога, а не человека [16, p. IV. 48; 18, 52, 56, 73; 17, III. 3, 24]. Явно и затаенно присутствует этический кодекс консимилированных германцев с примерами «иных» способов общения, действий и поступков, отличных от норм поведения коренных жителей Италии, Испании, Галлии, Британии. Логика повествования, независимо от этнополитической и социальной принадлежности автора, его информированности и целеполагания, выстраивалась на христианском понимании оппозиции «добродетель — порок» [18, с. 49, 56]. Теперь смысл понятия «варварство» соотносился с духовным усердием заносчивого варвара (*superbam barbariem*) [13, p. 176] обуздать варварские нравы, обычаи [Ibid, p. 69] (*barbaricos mores*); 16, VII. 29 (*consuetudo barbarorum*), культ идолов и варварской дикости [18, с. 14], а не только с результатами вторжения и присутствия посторонних внешних факторов, когда варвары, как пришельцы и чужаки (*ut advenae et peregrine*) [13, с. 137] в качестве воинов (*barbari veluti militibus*) [15, p. 23] умножали жестокие истребления (*strages accelerantur crudeliores*) [Ibid, p. 19], нанося значительный урон [17, I. 2; III, 2].

В раннем западноевропейском Средневековье ни один народ не называл себя «варваром». Это понятие встречается крайне редко и только по отношению к другим. «Варвар» — термин мобилизующий, фиксирую-

щий различную поведенческую логику действий. По-прежнему, это понятие привязывалось к военному контексту, сопровождаясь словами «разрушили», «уничтожили», «осадили», «совершили нападение». Но теперь невежественный иноземец, агрессивный и непредсказуемый чужестранец, «жестокий враг» (*gravis hostis*), преодолевая рубежи и пределы варварства, двигался в сторону позитивных ценностей [Ibid, IV. 2; V, 7; 14, VI. 15]. Чуждость и вероломство сохранялись, но принятие христианства предоставляло некогда консимилированным, заносчивым варварам шанс выжить в новом качестве [17, II. 1, 20]. Фактически утверждалось примирение непримиримого (*gerum concordia discors*). В отношении «варварства» в нарративах совмещалась выдумка (*inventio*), подражание (*imitatio*) и умолчание (*silentio*). Парадоксально, но, находясь между цивилизацией и варварством, новая интеллектуальная элита с надеждой и тревогой описывала неизбежность христианизации, вольно или невольно обозначая на горизонте ожидания нового «варвара» — зверя и еретика. Чем более активно писатели варварских королевств, этих *imitation imperii*, пытались отгородиться от варварского прошлого, тем меньше шансов оставалось у варварства проиграть и возродиться уже в другом когнитивном статусе в формировании средневековой мизоксении.

Таким образом, история рубежа Античности и Средневековья подтверждает неоднозначную двустороннюю взаимосвязь цивилизации и варварства. Для варваров состояние *Между* было подвижно, парадоксально-противоречиво, меняясь в реальном

и воображаемом пространстве. Действие разных форм проявления варварства в зоне границы более адаптивно и осмотрительно. Процесс оцивилизации, изживания варварства опирается на потенциал тенденции развития конкретных варварских образований — т. н. варварских королевств, становясь для современных исторических исследований настоящей злобой дня. Нарушение границы и выход *на край, за пределы* вели к образованию *ситуации пограничья*, когда переступив черту, совершался переход к *бес-пределу*, к варварству. Опыт истории классического варварства II–VII вв. дает основа-

ния утверждать, что спровоцировать и подтолкнуть к состоянию бес-предела может, прежде всего, антропологический провал и те пограничные ситуации, которые ставят человека *на грань* между бытием и небытием (К. Ясперс), в контексте рассматриваемой проблемы между цивилизацией и варварством. Эта ситуация могла возникнуть, как правило, в результате переломных моментов в жизни человека, которые связаны со смертью, непредсказуемой случайностью, накопившимися противоречиями, обидой, виной, неопределенностью, неустойчивостью и ненадежностью мира.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буданова, В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000.
2. Caro, A. The Barbarians. New York; London, 2002.
3. Boletsi, M. Barbarism and its discontents. Stanford. California, 2013.
4. Ясперс, К. Введение в философию / пер. с нем. А.А. Михайлов (ред). Мн.: Профилен, 2000.
5. Dauje, Y.-A. "Le Barbare". Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. Bruxelles, 1989.
6. Bujskisch, S.B. Zum Limes in nordischen Schwarzmeerraum // Bonner Jahrbücher des Rheinisches Landesmuseum in Bonn. 1994. P. 165–174.
7. Колосовская, Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.: Наука, 2000.
8. Cosme, P. Limes // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 2016. P. 866–870.
9. Dio Cassius Cocceianus. Historia Romana / U.Ph. Boissevain (ed.). Berlin, 1955. 2 Aufl.
10. Wolfram, H. Geschichte der Goten. München, 1980.
11. Шкаренков, П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004.
12. Уколова, В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. Конец V – середина VII в. М.: ЛКИ, 2014.
13. Jordanes, Getica (De origine actibusque Getarum) // Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1.
14. Paulus, Diaconus. Historia gentis Langobardorum / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Berlin, 1878.
15. Gildas, Sapiens. Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // Monumenta historica Britannica. London, 1848. P. 1–46.
16. Gregorius, Turonensis. Historia Francorum / W. Arndt et Br. Krusch // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1887. T. 1. Teil 1. P. 31–450.
17. Beda, Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum / J.P. Migne (ed.) // Patrologiae cursus completus. Series latina. Paris, 1861. T. XCV. Col. 21290.



18. *Isidorus, Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum* // Th. Mommsen (ed.) *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. II.* Berlin, 1894.

#### REFERENCES

1. Beda Venerabilis. “Historia ecclesiastica gentis Anglorum”, in: J.P. Migne (ed.), *Patrologiae cursus completus. Series latina*. Paris, 1861, T. XCV, Col. 21290.
2. Boletsi M. *Barbarism and its discontents*. Stanford, California, 2013.
3. Budanova V.P. *Varvarskij mir epohi Velikogo pereselenija narodov*, V.I. Ukolova (red.). Moscow, Nauka, 2000. (in Russian)
4. Bujskich S.B. „Zum Limes in nordischen Schwarzmeerraum“, in: *Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseum in Bonn*, 1994, pp. 165–174.
5. Caro A. *The Barbarians*. New York, London, 2002.
6. Cosme P. Limes, *Les Barbares*, Br. Dumézil (dir.). Paris, 2016, pp. 866–870.
7. Dauje Y.-A. “*Le Barbare*”. *Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization*. Bruxelles, 1989.
8. Dio Cassius Cocceianus. *Historia Romana*, U.Ph. Boissevain (ed.). Berlin, 1955, 2 Aufl.
9. Gildas Sapiens. Liber querulous de calamitate, excidio et conquestu Britanniae, H. Petrie (ed.), *Monumenta historica Britannica*. London, 1848, P. 1-46.
10. Gregorius Turonensis. *Historia Francorum*, W. Arndt et Br. Krusch, *Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. Hannover, 1887, T. 1, Teil 1, pp. 31–450.
11. Iordanes. *Getica (De origine actibusque Getarum)*, *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi*. Berlin, 1882, Vol. V, Ps. 1.
12. “Isidorus Hispalensis. *Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum*”, in: Th. Mommsen (ed.), *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. XI. Chronica minora, Saec. IV–VII. II.* Berlin, 1894.
13. Jaspers K. *Vvedenie v filosofiju*, transl. A.A. Mihajlov (red). Mn., Propilen, 2000. (in Russian)
14. Kolosovskaja Ju.K. *Rim i mir plemen na Dunae. I–IV vv. A.D.* Moscow, Nauka, 2000. (in Russian)
15. Paulus Diaconus. “*Historia gentis Langobardorum*”, in: L. Beithmann, G. Waitz (ed.), *Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. Berlin, 1878.
16. Skarenkov P.P. *Rimskaja tradicija v varvarskom mire, Flavij Kassiodor i ego epoha*. Moscow, RGGU, 2004. (in Russian)
17. Ukolova V.I. *Anticnoe nasledie i kultura rannego srednevekovja. Konets V – seredina VII v.* Moscow, LKI, 2014. (in Russian)
18. Wolfram H. *Geschichte der Goten*. München, 1980.

**Буданова Вера Павловна**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; руководитель, Лаборатория по исследованию цивилизации и варварства, Институт всеобщей истории РАН, vpbudanova@yandex.ru

**Budanova V.P.**, ScD History, Professor, Chief Researcher, Department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Supervisor, Laboratory of Research of Civilization and Barbarity, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, vpbudanova@yandex.ru